

два больших бездушных красных глаза. Эти глаза светились не душевным теплом, а жестокой радостью» [1, с. 385].

Элементы романа-дневника отражены в точной фиксации автором-повествователем места и времени происходящего с ним:

«From Fran Goldsmith's Diary August 1, 1990 No entry last night, too excited, too happy. Stu and I are together» [2, с. 533].

«Из дневника Франни Голдсмит
1 августа 1990 г.

Ничего не писала вчера, была слишком взволнованна, слишком счастлива. Стью и я – вместе» [1, с. 532].

Исследование понятия «жанр романа» в современном литературоведении является важным условием для определения жанровой специфики романов Стивена Кинга. Роман «Исход» получился противоречивым, идея и персонажи делают роман неординарным и заслуживающим вдумчивого прочтения, а сочетание в одном романе различных жанровых форм делают «Исход» поистине произведением искусства и доказывают талант и уникальную манеру письма Стивена Кинга. В целом, жанр романа «Исход» можно определить как «темное фэнтези» с элементами психологического, фантастического, детективного, реалистического, любовного, дневникового, теологического романа, романа-воспитания, а также романа-притчи.

Литература

1. *Кинг Э. С.* Исход: В 2 т. Харьков, 1995.
2. *King E. S.* The Stand. USA: Doubleday, 1978.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ЕДА» НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

И. Г. Нестерова

Термин «концепт» рассматривается нами в лингвокультурном аспекте. Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. Этот подход определяет «концепт» как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего (В.И. Карасик) [3, с. 10]. При данном подходе вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними [2, с. 46]. С этих позиций концепт определяется как «сгусток культуры» в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И в то же время, концепт – это то, «посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40]. Ю.С. Степанов считает, что концепт существует в ментальном мире че-

ловека в виде «пучка» представлений, понятия, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Концепты не только мыслятся, но также и переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека [5, с. 41]. В. А. Маслова определяет концепт как семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [2, с. 50].

Для исследования был выбран концепт «еда», так как этот концепт является базовым и универсальным для всех культур. Как отмечает Г. Гачев: «Национальная еда – это та часть внешнего Космоса, что переходит к нам внутрь и становится частью микрокосмоса. Еда – посредник между внутренним и окружающим мирами» [1, с. 47]. И в то же время, несмотря на свою универсальность, данный концепт в каждой культуре имеет свои особенности.

Рассматриваемый нами концепт «еда» включает в себя "что я ем", "вкус еды", "процесс еды", а также сферу «напитки».

Отношение китайцев к еде очень метко выражено в пословице 以食为天 «относиться к еде как к небу». Известно, что небо в китайской культуре занимает особое место. Китайцы называют свою страну Поднебесной, императора – сыном неба, отсюда следует, что еду китайцы воспринимают не только как определенную физиологическую потребность, но и как одну из самых важных ценностей своего существования, придают ей духовный смысл.

Западный мир также видит жителей Востока через призму еды, называя их «rice-eyes» – рисовоглазые. В произведении «Сто тайных чувств» американской писательницы китайского происхождения Эми Тан главная героиня Кван следующим образом объясняет большое количество китайцев во всем мире: «Много людей Инь в следующей жизни хотят стать китайцами! Я правду тебе говорю! Не французами, не японцами, не шведами. Почему? Я думаю, потому что китайская еда очень хорошая, свежая, дешевая, много-много вкусов. Вот почему сейчас так много китайцев в мире» [7, с. 92].

Одно из самых распространенных приветствий в Китае 你吃了吗, что дословно переводится как «ты покушал?». Ответить на данное приветствие достаточно просто кивком головы, в данном вопросе говорящий через еду словно выражает свою заботу и участие к собеседнику.

Проанализировав синонимический ряд русского глагола «кушать» и его китайского аналога 吃, можно сделать выводы о разном отношении к процессу еды у русского и китайского народов.

У русского глагола «кушать» большое количество синонимов с пренебрежительным оттенком, например: жрать, уминать, рубать, чмарить, лопать, хавать, чмурить, трескать, уписывать, усиживать, наворачивать, пожирать, уплетать, шавать, хомячить и т.д. Что касается китайского глагола «吃» со значением «есть, кушать», то он почти не образует синонимов с отрицательной коннотацией, за исключением нескольких глаголов, используемых в отдельных диалектах языка. Если же требуется сказать о грубом принятии пищи, выразить свое неодобрение, то обычно к 吃 добавляется либо наречие (напр., 贪馋地吃 – «жадно, алчно есть»), либо используется сравнение (напр., 马吃 – «есть, как лошадь») или фразеологизм (напр., 狼吞虎咽 – дословно: «проглатывать, как волк, выплевывать, как тигр»). В связи с отсутствием длинного синонимического ряда с отрицательной коннотацией у глагола 吃, можно полагать, что у китайцев более почтительное отношение к еде; еда воспринимается как особое искусство, еда как одно из главных наслаждений жизни. Доказывает данное предположение и тот факт, что в китайском языке слово красивый 美 выступает синонимом к слову вкусный. Так, в современном китайском языке употребляются выражения 美食 (красивая еда в значении «деликатесы»), 美食家 (любитель красивой еды – гурман), 美酒 (красивое вино в значении «отличное вино»).

Большое внимание китайцы уделяют эстетической красоте блюда (необходимость сочетания пяти: вкус, цвет, форма, аромат, значение – 味色形香意).

В китайском языке большое количество иероглифов, обозначающих способ готовки еды. То, что в русском языке обычно выражается целыми словосочетаниями или специальными описательными конструкциями, в китайском языке передает всего один иероглиф. Так, например, в китайском языке для обозначения различных сложных видов обжаривания имеется пять совершенно самостоятельных понятий, передаваемых короткими глаголами: 煎 «жарение продуктов с обеих сторон в небольшом количестве жира», 炒 «жарение продуктов в полуфритюре», 炸 «жарение во фритюре», 烤 «жарение в печах», точно так же, как для обозначения видов варки – 煮 «варка в воде», 川 «варка в бульоне», 烩 «варка в бульоне со специями», 蒸 «варка на пару», но зато в китайском

языке совершенно отсутствует глагол «томить», поскольку такой способ тепловой обработки совершенно не свойствен китайской кухне, и, чтобы выразить это понятие по-китайски, требуется по крайней мере объяснительная фраза.

Если русский народ встречает самых дорогих гостей хлебом и солью, то китайцы – чаем (китайские пословицы: «Когда приходит гость изда- лека, следует напоить его чаем», «Гость – в доме, чай и фрукты – на сто- ле»). Ритуальность чаепития на Востоке заключается в том, что люди принимают чай как божественный напиток, беседуют на философские темы. Кстати, любовь к чаю и традиция пить чай стали частью и русской культуры. Чаепитие и в России – время отдыха, беседы, размышления. С другой стороны, поговорка «Чай пить – не дрова рубить» содержит до- бавочные коннотации легкого времяпрепровождения, безделья, что под- крепляется современными стереотипами «Тоже мне работа: сидят, це- лыми днями чай пьют», «Да они там только чаи гоняют», или «я по чаю не скучаю...» [4].

Язык отражает менталитет его носителя. Китайский глагол 吃 «кушать» входит в состав многих других слов, не связанных с едой, например: 吃醋 «ревновать», 吃劲 «волноваться», 吃力 «трудный», 吃苦 «страдать», 吃亏 «понести ущерб», 吃惊 «удивиться», 吃耳光 «получить пощечину», 吃败仗 «потерпеть поражение». Эти слова утратили свою образность и являются общеупотребительными в китайском языке. Ин- тересен тот факт, что через процесс еды, глагол 吃 «кушать» китайцы пытаются передать эмоциональное состояние и чувства человека, то есть смотреть на мир через призму еды.

Таким образом, на основе рассмотренных нами примеров, можно сде- лать следующие выводы: 1) у китайцев особое, очень почтительное от- ношение к еде, для них еда – это наполненный определенным смыслом ритуал, это «небо»; 2) во многих случаях китайцы воспринимают мир посредством еды, через призму еды, что выражается в ряде выражений с глаголом 吃 кушать, а также определенной формуле приветствия 你吃了吗? «Вы покушали?». На основе проведенных некоторыми лин- гвистами исследований, можно утверждать, что при упоминании слова «Китай» возникают ассоциации с китайской кухней, распространенной во всем мире, и с китайской едой [6, с. 5].

Литература

1. Гачев Г. Космо-психо-логос. Национальные образы мира. М., 2007.

2. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика. Мн., 2008.
3. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2007.
4. *Просвирнина И. С.* Именования продуктов питания и блюд как источник концептуального анализа национального сознания (на материале русской и китайской лингвокультуры). <http://urfu.ru/science/online-conf/russian-conf/vol3/>.
5. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
6. *Ши Ся* Концепт Китай в русском обыденном языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
7. *Эми Тан.* Сто тайных чувств. Б.С.Г., 2003.

МОЛАДЗЕВЫ СЛЭНГ ЯК АБ'ЕКТ ВЫВУЧЭННЯ Ў СУЧАСНАЙ ЛІНГВІСТЫЦЫ

М. Овэрчук

У працэсе свайго развіцця, пастаянна змяняючыся, любая культура, любое індустрыяльна-развітае грамадства, у якім прысутнічаюць розныя сацыяльна-дэмаграфічныя групы, мадыфікуе і мову. Адбываюцца значныя змены і ў актыўным слоўніку сучаснай моладзі. Менавіта таму ў апошнія дзесяцігоддзі вучоныя праяўляюць зацікаўленасць да такога лінгвістычнага феномена як *моладзевы слэнг*.

Нягледзячы на вялікую колькасць даследаванняў у галіне жаргоназнаўства, у лінгвістыцы няма адзінства поглядаў на тэрмін *слэнг*. Гэта выклікана не толькі тым, што няма адзінай афіцыйна прынятай дэфініцыі, але і тым, што адны вучоныя ўвогуле не прызнаюць існаванне такой асобнай катэгорыі, як *слэнг* (як вядома, рускі даследчык І. Р. Гальперын разглядаў *слэнг* як сінонім да слова *жаргон*). Услед за І. Р. Гальперыным традыцыйна ў беларускім і рускім мовазнаўстве вучоныя разглядаюць тэрмін *слэнг* у якасці сіноніма да тэрміна *жаргон* і *сацыяльны дыялект*. Прынята лічыць, што і *жаргон*, і *сацыяльны дыялект*, і *слэнг* – гэта перш за ўсё разнавіднасць мовы, якой карыстаюцца прафесіянальныя групы і сацыяльныя праслойкі людзей, аб'яднаных агульнасцю інтарэсаў, звычак, заняткаў, сацыяльнага становішча (А. Г. Барысава-Лукашанец, А. Н. Мазурава, Л. А. Радзіхоўскі і інш.).

Некаторыя даследчыкі разглядаюць *слэнг* як больш шырокае паняцце, у якое ўваходзіць лексіка, што першапачаткова ўзнікла ў асобнай сацыяльнай ці прафесійнай групе, у *жаргоне*, а таму адлюстроўвае светапогляд гэтых сацыяльных груп, але паступова пашыраючы арэал свайго выкарыстання, становіцца нечым іншым, *інтэржаргонам* (В. В. Хімік, С. І. Левікава, Т. А. Золатава, Ю. К. Валашын, В. А. Хамякоў, А. Д. Швейцэр, Н. А. Арлова і інш.).